

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 821.161.1

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-4-814-821>

Шифр научной специальности 5.9.1

«Родня по Отечеству»: А. Солженицын в восприятии В. Астафьева (на материале писем и публицистики)

Пётр Андреевич ГОНЧАРОВ

ФГБОУ ВО «Мичуринский государственный аграрный университет»

393760, Российская Федерация, Тамбовская область, г. Мичуринск, ул. Интернациональная, 101

 goncharovpa2015@yandex.ru

Аннотация. Исследованы восприятие, оценка, истолкование масштаба личности, направленность творчества А. Солженицына в письмах и публицистике В. Астафьева. Актуальность исследования обусловлена вниманием современного литературоведения к историко-софской и социально-политической проблематике русской прозы, необходимостью исследования произведений русской литературы XX века в её наиболее ярких проявлениях и оценках. Цель данного исследования – определение близости эстетических позиций, ставшей основой для оценки и интерпретации личности и творчества А. Солженицына в эпистолярной и публицистике В. Астафьева. Проанализированы издания писем и публицистики В. Астафьева, реакция писателя на публикацию первой повести А. Солженицына. Рассмотрены основные аргументы письма В. Астафьева в защиту А. Солженицына, мотивы обращения в Союз писателей. Рассмотрена реакция В. Астафьева на возвращение «вермонтского отшельника» в Россию, приведена характеристика масштаба личности А. Солженицына, оценка его общественной позиции. В результате проведённого анализа установлено, что в письмах и в публицистике В. Астафьева создан яркий образ А. Солженицына – негибаемого борца, авторитетного мыслителя, одного из родоначальников деревенской прозы, патриота России. Сделаны выводы о том, что творческое поведение писателя В. Астафьева обусловлено спецификой его личности, особенностями семейного положения, общественно-политической жизнью России 1960–1990-х гг. Область применения результатов работы – исследование по новейшей литературе, преподавание литературы в высшей и общеобразовательной школе.

Ключевые слова: В. Астафьев, А. Солженицын, эпистолярный, публицистика, масштаб личности, направленность творчества

Благодарности: Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-18-00408, <https://rscf.ru/project/23-18-00408/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского.

Для цитирования: Гончаров П.А. «Родня по Отечеству»: А. Солженицын в восприятии В. Астафьева (на материале писем и публицистики) // Нефилология. 2023. Т. 9. № 4. С. 814-821. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-4-814-821>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

“Native on Fatherland”: A. Solzhenitsyn in V. Astafiev’s view (on the material of letters and journalism)

Petr A. GONCHAROV

Michurinsk State Agrarian University

101 Internatsionalnaya St., Michurinsk, 393760, Tambov Region, Russian Federation

✉ goncharovpa2015@yandex.ru

Abstract. The article examines the view, assessment, interpretation of the personality scale, the direction of A. Solzhenitsyn’s work in the letters and journalism of V. Astafiev. The importance of the research is due to the attention of modern literary criticism to the historiosophical and socio-political issues of Russian prose, the necessity to research the creations of Russian literature of the 20th century in its brightest performances and assessments. The purpose of the research is an attempt to determine the similarity of aesthetic positions, which became the basis for assessing and interpreting the personality and work of A. Solzhenitsyn in the V. Astafiev’s epistolary and journalism. The publications of letters and journalism by V. Astafiev, the writer’s reaction to publication of the first story by A. Solzhenitsyn are analyzed. The main arguments of V. Astafiev’s letter in defense of A. Solzhenitsyn, the motives for applying to the Writers’ Union are considered. V. Astafiev’s reaction to the “Vermont hermit” return to Russia is considered, the scale of A. Solzhenitsyn’s personality is characterized, and his public position is assessed. As a result of the analysis, it is established that in the letters and journalism of V. Astafiev a vivid image of A. Solzhenitsyn is created as an unbending fighter, an authoritative thinker, one of the founders of village prose, a patriot of Russia. It is concluded that the creative behavior of the writer V. Astafiev is determined by the specifics of his personality, the characteristics of his marital status, and the socio-political life of Russia in the 1960s – 1990s. The scope of application of the work results is research on the modern literature, teaching literature in higher and secondary schools.

Keywords: V. Astafiev, A. Solzhenitsyn, epistolary, journalism, the personality scale, the direction of work

Acknowledgements: The research is supported by the Russian Science Foundation grant no. 23-18-00408, <https://rscf.ru/project/23-18-00408/>; “Russian Christian Academy for Humanities” named after F.M. Dostoevsky.

For citation: Goncharov, P.A. “Native on Fatherland”: A. Solzhenitsyn in V. Astafiev’s view (on the material of letters and journalism). *Neofilologiya = Neophilology*, 2023;9(4):814-821. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-4-814-821>

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Нобелевский лауреат, академик, автор литературных и публицистических произведений, сокрушающих либеральную идеологию и коммунистический тоталитаризм как феномен, на этой идеологии возросший, значительную часть жизни проведший в заключении и изгнании. И один из основоположников официально «разрешённой» «деревен-

ской» и «военной» прозы, отмеченный премиями и наградами коммунистической власти, предавший проклятию эту власть в последнем романе, практически всю жизнь проживший в русской провинции. Что может быть общего, созвучного (помимо очевидного антикоммунистического дискурса 90-х гг.) между этими разными по характеру дарования писателями?

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Обратимся к вопросу о том, как В. Астафьев воспринял, оценил, истолковал масштаб личности, направленность творчества своего выдающегося современника в своих письмах и публицистике. Заметим вначале, что эта задача, несмотря на её видимую простоту, сопряжена с некоторыми трудностями. Первая из них заключается в том, что полного, тем более научно прокомментированного и изданного собрания писем В. Астафьева не существует. В прижизненном пятнадцатитомном собрании сочинений В. Астафьева письма писателя и письма, обращённые к нему, размещены в 14–15 томах [1, т. 14, т. 15]. Но, как явствует из других изданий [2; 3], это лишь часть его эпистолярного наследия. Некоторые письма В. Астафьева содержат в себе упоминания о посланиях, которые пока, видимо, не опубликованы. Так, в письме от 30 октября 1989 г., отправленного В. Астафьевым из Питтсбурга в Красноярск, находим: «Сегодня написал письмо Александру Исаевичу – он живёт неподалёку отсюда» [3, с. 432].

В письме к В.Я. Курбатову, датированном декабрем 1998 г., В. Астафьев среди прочего пишет: «К 80-летию Солженицына попросили меня нацарапать несколько слов, попутно посылаю и их» [3, с. 644]. – О каком именно астафьевском тексте идёт речь, судить затруднительно.

Похожая ситуация и с публицистикой писателя. Некоторые важные для нашей темы астафьевские тексты, вошедшие в 12 том упомянутого собрания, по своему содержанию явно противоречат их датировке, что не способствует их адекватной интерпретации. В частности «беседа» с Е. Черных («Комсомольская правда») датируется 1993 г., хотя речь в «беседе» идёт о вещах, к данному времени давно решённых. Так, В. Астафьев заявляет как о ближайшем будущем: «Я считаю, что с выходом «Архипелага ГУЛАГа» и «Красного колеса», которое я, даст Бог, прочитаю, предстанет, наконец, перед советским читателем величайший писатель современности, подвижник духа» [1, т. 12, с. 574]. Но к 1993 г. «Архипелаг» в Советском Союзе

уже опубликован (1989–1990), как и значительная часть Узлов «Красного колеса» (1990–1993), а «советского читателя» уже нет...

Полагаем, однако, что изданного эпистолярного и публицистического наследия В. Астафьева вполне достаточно, чтобы составить достоверное представление о том, каким предстаёт масштаб творческой личности А. Солженицына в восприятии В. Астафьева.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Первое упоминание В. Астафьева об А. Солженицыне относится к 1962 г. – году публикации повести «Один день Ивана Денисовича». Характерно, что это упоминание содержалось в письме к А.Н. Макарову – критику, а в скором будущем – большому и верному другу начинающего прозаика. В. Астафьев не просто «отчитывается» перед своим литературным наставником. Он связывает личность, А. Солженицына, его повесть с русской литературой в целом, с народом: «Сегодня прочёл Солженицына в «Новом мире». Потрясён. Радуюсь. За литературу нашу радуюсь, за народ наш талантливый и терпеливый!» [3, с. 49]. «Талантливый» – пас в адрес не только народа, но и в адрес автора вскоре ставшей знаменитой повести; «терпеливый» относится тоже и к народу, и к главному герою только что опубликованного солженицынского произведения.

В ноябре 1970 г., когда гонения на А. Солженицына приблизились к своей высшей фазе, В. Астафьев, в то время «член правления союза писателей РСФСР», обращается с письмом к руководителям писательской организации. В нём В. Астафьев вначале поясняет непосредственную причину своего обращения: «Вызвано оно тем, что вы самовластно, не поставив в известность даже нас, членов правления российской писательской организации, не говоря уж просто о членах писательского коллектива, – исключили из членов Союза писателей писателя Александра Исаевича Солженицына, которому и без того выпала доля мученика в жизни и литературе. А ведь даже в колхозах,

перед тем как изгнать кого-либо из членов артели, собирают общее собрание!» [3, с. 159]. – Здесь обращают на себя внимание, как минимум, три вещи. Первое – это тональность письма: она далека от тона и «позы просителя». В. Астафьев считает себя и своих литературных «побратимов» вправе «требовать, чтобы с нами разговаривали как с ровней, а не как с бедными родственниками» [3, с. 160]. Не менее важной представляется и оценка личности А. Солженицына: В. Астафьев видит в нём мученика «в жизни и литературе», напоминая таким образом о времени заключения и полных драматическими коллизиями попыток автора романов «Раковый корпус» и «В круге первом» опубликовать их на родине. Третьим столь же значимым, обращающим на себя внимание элементом цитированного эпизода, как и всего обращения в целом, является невольная астафьевская «самохарактеристика». Сопоставление писательской организации с колхозом напоминает о том, что обращение пишет «деревенщик», знакомый в том числе и с советскими колхозными административными процедурами. Что не менее характерно – «колхоз», столь часто отрицаемый писателями-деревенщиками, в этом обороте «выигрывает» в сравнении с руководством Союза писателей, «предпочтён» ему.

В этом же письме в числе прочего говорится: «Волевые, келейные решения многих наших дел уже привели к тому, что надзор за словом писательским у нас стал такой, какой и не снился писателям в «проклятом прошлом» [3, с. 160]. К числу таких решений В. Астафьев относит и исключение из членов Союза писателей А.И. Солженицына. Выражение «волевые решения» является отсылкой к недавно актуальным (но осуждённым Октябрьским пленумом ЦК КПСС 1964 г.) хрущёвским методам руководства искусством, отсылкой, призванной оспорить или поставить под сомнение – через политические аллюзии и мотивацию – принятое решение об исключении из числа членов Союза писателей А. Солженицына. Не уподобьтесь отставленному ныне Н.С. Хрущёву с его «волюнтаристскими» действиями! – к этому призывает В. Астафьев, правда, совершенно

упуская из вида тот факт, что именно «волевое решение» руководителя ЦК КПСС стало началом вхождения никому тогда не известного А. Солженицына в литературу.

В. Астафьев в этом письме акцентирует свою и А. Солженицына причастность к Великой Отечественной войне, пытаясь сделать из этого общего факта их биографии оправдание и для исключённого, и в какой-то мере для себя. «Как-то всё больше и больше ощущается попытка наших старших товарищей отмахнуться от нас либо заморочить голову. Но ведь мы уже не юнцы! У нас за плечами война и нелёгкая послевоенная жизнь» [3, с. 160]. Параллельно с аргументацией требуемого для А. Солженицына оправдания В. Астафьевым решается и другая не менее важная уже для него самого задача. Подчёркивая своё общее с А. Солженицыным фронтовое прошлое, В. Астафьев как бы говорит: «Я за Солженицына потому, что он, как и я, – фронтовик». В этом один из смыслов астафьевских аргументов. В. Астафьев понимает: симпатии фронтовика к фронтовику ему «простят» литературные и курирующие их партийные бонзы, но симпатии к антикоммунисту и антисоветчику – вряд ли. В. Астафьев таким способом «страхуется» от обвинений уже в свой адрес в симпатиях к врагу советской системы. В этом плане опасливая позиция В. Астафьева связана с рядом характерных и ощутимых для лишённого моральной и материальной поддержки столичной интеллигенции провинциального писателя обременений. В. Астафьев не чувствует себя, в отличие от университетски образованного, европейски известного, советскими диссидентами поддерживаемого писателя, защищённым общественным мнением – советским и мировым. В. Астафьев, недавно переехавший из Перми в Вологду, в отличие от связанного с Москвой, известного в Европе и номинированного на Нобелевскую премию писателя, ощущает (пусть это и ложное ощущение) свою «провинциальность».

Постоянным своим «обременением» искалеченный на фронте В. Астафьев, вероятно, ощущает не только двоих неустроенных детей, но и своего беспутного отца («папу»), многочисленных других своих (овсянских и

красноярских) родственников. Племянник М.С. Корякиной-Астафьевой Анатолий, а позднее и внуки В. Астафьева от рано ушедшей дочери Ирины воспитывались в доме писателя наравне с его собственными детьми. Годы спустя, в 1994 г. в беседе с Б. Никитиным («Российская газета») В. Астафьев на вопрос интервьюера о том, почему писатель «не захотел стать диссидентом», прозвучало следующее признание: «Я не мог стать диссидентом ни ради свободы, ни ради популярности, ни просто так, потому как не готов был стать таковым: семья – большая, следовательно, мера храбрости – малая. Да и внутренней готовности, раскованности <...> мне не хватало» [1, т. 12, с. 581].

Обращаясь в 1970-м г. с письмом в защиту А. Солженицына, В. Астафьев, видимо, хорошо помнит историю с публикацией своей повести «Кража»: написанная уже в начале 1960-х гг., получившая отказ в публикации в столичных изданиях, она была опубликована региональным журналом «Сибирские огни» лишь в 1966 г. Одна из очевидных причин этого – изображение судеб репрессированных, имеющее место в этой повести. То, что высочайше дозволено печатать в ведущем литературно-художественном журнале одному, не может быть разрешено другому, да и время «оттепели» уже миновало.

В. Астафьев эту перемену в общественном сознании к 1970 г. ощутил. Вероятно, поэтому среди написанного А. Солженицыным он выделяет не политически острый «Один день Ивана Денисовича», а достаточно уравновешенный «Матрёнин двор»: «Не довелось мне читать его новых романов – не люблю я читать и думать под одеялом – унижительно это для бывшего солдата и русского литератора, но и то, что я читал, напечатанное в журнале, особенно «Матрёнин двор», убедило меня в том, что Солженицын – дарование большое, редкостное, а его взашей вытолкали из членов Союза» [3, с. 161]. В. Астафьев отмечает среди написанного А. Солженицыным уже «напечатанное в журнале», опубликованное в подцензурном издании, оберегая себя от распространившейся к 1970-му гг. славы Солженицына-«диссидента», «антисоветчика». Наверняка,

В. Астафьев, если и действительно «не читал» ходившие в «самиздате» произведения А. Солженицына, то безусловно был слышан о его «новых романах». В этом плане В. Астафьев с его реальными житейскими обременениями и застенчивой мнимой «провинциальностью» далёк от безрассудной смелости, он умеренно осторожен и осмотрителен в деталях, но смел и мужественен в самом желании защитить гонимого властью. «Союз писателей» воспринимается В. Астафьевым в качестве своеобразной «прокладки» между властью и членами Союза.

Упоминание в письме рассказа «Матрёнин двор» имеет у В. Астафьева те же истоки, мотивы и цели, что и напоминание о фронтовых страницах своей жизни и биографии А. Солженицына. В. Астафьев сообщает своим адресатам в руководстве Союза писателей, что ему «к душе» Солженицын-деревенщик, «новые романы», с их открытым антикоммунистическим пафосом, якобы для Астафьева-«деревенщика» не актуальны. Что касается рассказа «Матрёнин двор», то он во многом «отзовётся» в рассказе-очерке В. Астафьева «Паруня». Трудовая нравственность, аскетизм, жизнь, полная страданий и лишений, семейная неустроенность, незлобивость и отзывчивость приближают эти женские образы к представлению и А. Солженицына, и В. Астафьева о праведничестве [4]. Но скрытые цитаты, реминисценции и аллюзии, связанные с влиянием литературного творчества А. Солженицына на художественную прозу В. Астафьева, есть тема, нуждающаяся в отдельном исследовании.

В конце письма составитель приводит пояснение В. Астафьева «через много лет»: «В союзе писателей отмолчались, сделали вид, что не получали. Может, и не получали <...> А может, и Господь меня снова спасал от бед <...>» [3, с. 161]. Как бы там ни было, сам факт обращения «члена правления Союза писателей» с целью защитить А. Солженицына, содержание этого письма свидетельствуют о том, что В. Астафьев воспринял события вокруг исключения как покушение на справедливость, оценил происходящее как незаконную акцию, истолковал личность «фронтового побратима» в качестве родст-

венной себе, увидел созвучную деревенской прозе направленность творчества своего гонимого властью современника.

В письме, датированном 1984 г., к В.Я. Курбатову уже изгнанный и запрещённый в СССР писатель упоминается завуалированно – как уроженец Ставрополя, через вполне прозрачный троп – как «лауреат Нобелевской премии», но вполне узнаваемо. Важнее иное: «бригаду аж из пяти творческих умов» повёз на родину «вермонтского отшельника» сам В. Астафьев, и он же воспроизводит отношение к изгнаннику на его родине: «<...> его поминают либо в шутку, либо с грустной улыбкой, качая головой, со злом никто при мне не поминал» [3, с. 336].

Под влиянием А. Солженицына, всей общественно-политической конъюнктуры рубежа 1980–1990-х гг. В. Астафьев пишет в 1989 г. в прокуратуру Красноярского края о своём деде и отце, репрессированных в начале 1930-х: «<...> эти люди, виноватые лишь в одном, что родились и жили в очень «радостное» время построения новой, невиданной ещё нигде и никем «счастливой» жизни под сенью самой «родной и справедливой власти», давно реабилитированы временем и перед Богом, и перед историей ни в чём не виноваты, как и сто с лишним миллионов советских людей, погубленных во имя нынешнего и будущего неслыханного «счастья» [3, с. 430]. Авторитет А. Солженицына для В. Астафьева этого времени очевиден. Он явлен и в воспринятой от «Архипелага», других произведений «вермонтского отшельника», некоторой размашистости в определении числа жертв коммунистических репрессий.

В том же 1989 г. В. Астафьев в упомянутой выше беседе с литератором Е. Черных высказывается более обстоятельно об А. Солженицыне и его творчестве: «Я считаю, что в мире сейчас писатель номер один – Солженицын, а вершиной русской новеллистики является, на мой взгляд, «Матрёнин двор» <...> «Иван Денисович» стал для всех откровением. Это было открытием лагерной темы. Для меня открытия здесь не было. Человека, выросшего в Игарке, знающего, что такое Норильск, человека, у которого были репрес-

сированы отец, дедушка, выслано полсела, жестокостями не удивишь» [1, т. 12, с. 370].

Далее конкретизирует, сближая А. Солженицына с течением деревенской прозы: «Матрёнин двор» стал откровением. Нет, до этого работали Овечкин, Дорош, Абрамов, Солоухин, Тендряков... <...> Но отправная точка – «Матрёнин двор» [1, т. 12, с. 570]. Характерно, что в этом фрагменте рядом, в одном ряду перечислены далеко не последние представители деревенской прозы. В. Астафьев видит в А. Солженицыне не только одного из этой когорты, но первенствующего в ней на давно миновавшем этапе развития литературы.

Далее В. Астафьев пытается не только дать свою оценку творчеству и личности А. Солженицына, но оградить его от ложных друзей: «<...> сейчас уже начинают трепать имя Солженицына, делать его модным. Скоро и вовсе начнётся вакханалия. <...>. Все будут утверждать, что они его друзья верные, защитники.

Я никакой не друг великого писателя и тем более не защитник. Я просто читатель, российский человек, родня ему по Отечеству. И только. Быть может, некоторое моральное право мне даёт о нём поговорить то, что я не подписал ни одной строки, ни одного письма против него» [1, т. 12, с. 572-573].

После «неспешного чтения» солженицынского «Архипелага», состоявшегося благодаря «представителю Кёльнского телевидения в Москве» уже в «перестроечном» 1989 г., В. Астафьев делает пространное и неожиданное заявление о содержании и об авторе «опыта художественно исследования». Что же Астафьев ценит больше всего в «Архипелаге»? Не обличение коммунизма, не критику Ленина и Сталина, а нечто совсем иное: «Ведь «Архипелаг» чем велик? Он весь, почти на тысяче страниц, пронизан самоиронией, которая всегда была свойственна великой русской литературе, и прежде всего гению русской литературы – Гоголю. Александр Исаевич себя просто не щадит» [1, т. 12, с. 574]. Как понимает самоиронию В. Астафьев? Ответ на этот вопрос предельно значим и для адекватного истолкования не только «Архипелага» и личности А. Сол-

женицына, но и для ответа на вопрос о направленности позднего творчества самого В. Астафьева.

Об А. Солженицыне, его исследовании трагических страниц русской истории, его «самоиронии» В. Астафьев утверждает следующее: «Оставаясь в любви к своей Родине, земле, людям, он в то же время поднимается до трагических, страшных моментов истории нашей <...> Он обличает строй, в котором, извините, не всегда были вожди со стороны. Были и из рабочих, были и выходцы из деревни. До каких же вершин скотства, изуверства и похабщины они порой доходили!» [1, т. 12, с. 574]. Помимо комментария к эпизодам «Архипелага» в этом утверждении В. Астафьева заключён ответ на обвинения в «руссофобии» со стороны некоторых современных критиков позиции писателя-традиционалиста в перестроечные и постперестроечные времена [5; 6]. Обличение «строя», некоторых русских «вождей», погрязших «в скотстве», для В. Астафьева есть и самообличение, и «самоирония» в свой собственный адрес. Как русский писатель он берёт на себя ответственность и за этих рождённых в России «вождей» и их помощников.

Как известно, А. Солженицын вернулся в Россию летом 1994 г. Его первой встречей с Россией писательской стало посещение астафьевской Овсянки. В письме к Н. Гашеву, датированном 26 июля 1994 г., В. Астафьев, вероятно не без гордости за себя, пишет: «Опоздал ты со своим письмом. Солженицын сразу по прибытии в Красноярск приехал ко мне в Овсянку, мы проговорили с ним часа три без свидетелей [3, с. 537].

Впечатление от беседы и от личности А. Солженицына содержится уже в последо-

вавшем за цитированным выше письмом послании к В.Я. Курбатову от 3 августа того же года: «Вот это была беседа полноправная, с полуслова понимали друг друга, разночтений не было – великий муж Александр Исаевич, великий! С ним общаться нелегко, ответственно, но интересно и, надеюсь, взаимообогащающе» [3, с. 538]. Для сокрытия истинного отношения В. Астафьева к личности и творчеству А. Солженицына в 1994 г., в отличие от трёх предшествующих десятилетий, ни оснований, ни показаний не было. Что же касается взаимообогащающего общения двух писателей в сфере художественного творчества, вопроса о восприятии А. Солженицыным личности и творчества В. Астафьева, то эти вопросы тоже требуют особого исследования.

ВЫВОДЫ

В целом же есть основания утверждать, что в письмах (они не исчерпываются приведёнными и цитированными выше), в публицистике В. Астафьева создан яркий образ негнбимого борца, авторитетного мыслителя, одного из родоначальников деревенской прозы, патриота России, чьи заслуги перед русской литературой трудно переоценить. Одним из завершающих штрихов этого литературного портрета может стать фрагмент астафьевского письма к неустановленному адресату, датированного 1995 г.: «Солженицын прежде всего состраданием, сочувствием своему народу и Родине своей помогает нам взнять лицо к небу, укрепиться на земле, он, он истинный праведник, взывающий к Богу и добру...» [3, с. 572].

Список источников

1. *Астафьев В.П.* Собрание сочинений: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1998. Т. 12. 608 с.; Т. 14. 1961–1989 гг. 480 с.; Т. 15. 1990–1997 гг. 512 с.
2. *Астафьев В.П.* Крест бесконечный: письма из глубины России. Иркутск: Изд. Сапронов, 2002. 528 с.
3. *Астафьев В.П.* Нет мне ответа... Эпистолярный дневник, 1952–2001. Иркутск: Изд. Сапронов, 2009. 720 с.
4. *Гончаров П.А., Гончаров П.П.* «Настоящий женский характер»: мотив праведничества в очерке В. Астафьева «Паруна» // Вестник Бурятского государственного университета. 2017. № 3. С. 161-168. <https://doi.org/10.18101/1994-0866-2017-3-161-168>, <https://elibrary.ru/yleaseh>

5. Байбородин А. Поле брани Виктора Астафьева. К 20-летию кончины русского писателя (01.05.1924 – 29.11.2001) // Русская народная линия. 2021. 3 дек. URL: https://ruskline.ru/analitika/2017/11/29/pole_brani_viktora_astafeva/ (дата обращения: 09.05.2023).
6. Павлов Ю. Виктор Астафьев, «потаённый» и явленный. Знаки судьбы «позднего» писателя // День литературы. 2021. 19 янв. URL: <https://denliteraturi.ru/article/5476> (дата обращения: 16.05.2023).

References

1. Astaf'ev V.P. *Sobranie sochinenii*: v 15 t. [Collected Essays: in 15 vols.]. Krasnoyarsk, Ofset Publ., 1998. Vol. 12, 608 p.; vol. 14, 1961–1989, 480 p.; vol. 15, 1990–1997, 512 p. (In Russ.)
2. Astaf'ev V.P. *Krest beskonechnyi: pis'ma iz glubiny Rossii* [The Cross Infinite: Letters from the Depths of Russia]. Irkutsk, Sapronov Publ., 2002, 528 p. (In Russ.)
3. Astaf'ev V.P. *Net mne otveta... Epistolnyy dnevnik, 1952–2001* [No Answer for me... Epistolary Diary, 1952–2001]. Irkutsk, Sapronov Publ., 2009, 720 p. (In Russ.)
4. Goncharov P.A., Goncharov P.P. "A true female character": the motive of righteousness in the essay "Parunya" by Viktor Astafiev. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta = Buryat State University Bulletin*, 2017, no. 3, pp. 161-168. (In Russ.) <https://doi.org/10.18101/1994-0866-2017-3-161-168>, <https://elibrary.ru/yleash>
5. Baiborodin A. Pole brani Viktora Astaf'eva. K 20-letiyu konchiny russkogo pisatelya (01.05.1924 – 29.11.2001) [Victor Astafyev's field of fighting. To the 20th anniversary of the death of the Russian writer (01.05.1924 – 29.11.2001)]. *Russkaya narodnaya liniya* [Russian People's Line], 2021, December 3. (In Russ.) Available at: https://ruskline.ru/analitika/2017/11/29/pole_brani_viktora_astafeva/ (accessed 09.05.2023).
6. Pavlov Yu. Viktor Astaf'ev, «potaennyi» i yavlennyi. Znaki sud'by «pozdnego» pisatelya [Victor Astafyev, "hidden" and revealed. Signs of the fate of the "late" writer]. *Den' literatury* [Literature Day]. 2021, January 19. (In Russ.) Available at: <https://denliteraturi.ru/article/5476> (accessed 16.05.2023).

Информация об авторе

Гончаров Пётр Андреевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Мичуринский государственный аграрный университет, г. Мичуринск, Тамбовская обл., Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0001-5063-9564>, goncharovpa2015@yandex.ru

Вклад в статью: идея, общая концепция статьи, набор первичного материала, поиск и анализ научной литературы, анализ литературных текстов, обработка и редактирование материала, написание текста статьи.

Поступила в редакцию 17.06.2023
Поступила после рецензирования 20.09.2023
Принята к публикации 12.10.2023

Information about the author

Petr A. Goncharov, Dr. habil. (Philology), Professor, Professor of Social and Humanitarian Disciplines Department, Michurinsk State Agrarian University, Michurinsk, Tambov Region, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-5063-9564>, goncharovpa2015@yandex.ru

Contribution: idea, main study conception, source material acquisition, scientific literature search and analysis, literary texts analysis, material processing and editing, manuscript text drafting.

Received June 17, 2023
Revised September 20, 2023
Accepted October 12, 2023